

Л.А. Королева, А.А. Королев

Татары-мусульмане Среднего Поволжья 1940-е – 1980-е гг.

Tatars-Moslems of the Centre Volga Region. 1940-1980.

В статье анализируются условия, в которых протекала деятельность мусульманских религиозных объединений в СССР, в целом, и Среднем Поволжье, в частности; приводятся социально-демографические характеристики мусульман-татар Среднего Поволжья в 1940-е – 1980-е гг.

Ключевые слова: *ислам, татары, СССР, Среднее Поволжье, социально-демографические характеристики, 1940-1980 гг.*

In the article conditions in which activity of Moslem religious associations in the USSR proceeded, as a whole, and the Centre Volga region, in particular are analyzed; socially-demographic characteristics of moslems-Tatars of the Centre Volga region are resulted in 1940-1980.

Key words: *Islam, Tatars, the USSR, the Average Volga region, socially-demographic characteristics, 1940-1980.*

На территории СССР исторические области распространения ислама охватывали три основные зоны: Средняя Азия и Казахстан, Кавказ, Поволжье и Приуралье. В 1940-1990-х гг. главным районом проживания татар, одной из основных наций, исповедовавших ислам, в России являлся Волго-Уральский регион, включавший Среднее Поволжье и Южный Урал (3414 тыс. (83,8% татарского населения РСФСР) в 1959 г. и 4010,7 тыс. (81,2% татарского населения РСФСР) в 1989 г.) [6, с. 158]. Поволжские татары, за исключением небольшой этнической группы кряшен (крещеных татар), являются мусульманами-суннитами. В отличие от мусульман Кавказа, Средней Азии и Казахстана, мусульмане Среднего Поволжья характеризовались длительным сосуществованием с православными, главным образом, русскими, серьезной европеизацией быта и отдыха, включенностью некоторых элементов русской культуры, в том числе языка, в собственную культуру.

В Татарской АССР мусульманский культ исповедовало около 45-52% населения [1, с. 314; 3, с. 72]. В Пензенской (татары – 5,4% всего населения), Ульяновской (татары – 12% всего населения), Самарской (Куйбышевской) (татары – 3,5% всего населения) областях ислам был второй по численности религией после православия.

Основной состав верующих мусульман – мужчины и женщины пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше, главным образом, крестьяне-колхозники. Именно верующие мусульмане мужского пола

преклонного возраста, сельчане, являлись главными "проводниками" веры. Верующий с. Татарский Шелдаис Пензенской области 80-летний И. Уразгильдяев подчеркивал: "Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись. ... Многие наши молодые колхозники не знали бы времени празднования религиозных праздников, ... если бы мы, старики, не напоминали бы им об этом" (ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 4617. Л. 103).

Тенденция преобладания граждан преклонного возраста среди верующих нашла свое отражение и в составе мечетных "двадцаток". Подавляющее количество членов "двадцаток" являлись малограмотными людьми, с образованием в пределах 4 классов, не судимые ранее, получавшие пенсию, имевшие различные правительственные награды, т.е. люди достаточно уважаемые. В середине 1970-х гг. в "двадцатки" мечетей Пензенской области входило 185 мужчин, из которых 175, т.е. 95%, были в возрасте старше 60 лет (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 77. Л. 55). В Куйбышевской области влияние "двадцаток" было невелико в деятельности объединений, т.к., по замечанию уполномоченного Совета, "двадцатки" в мусульманских религиозных обществах "никакой роли не играют", "числятся лишь формально, вопросы, связанные с управлением мечетями, решаются на собраниях всех верующих, поскольку каждое религиозное общество объединяет жителей только одного села" (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Д. 9. Л. 47).

В послевоенные годы отмечалось оживление в деятельности верующих мусульман. В это время около 15-20% от всех посещавших мечеть составляли демобилизованные. "Прибывшие из армии более молодые возрасты населения, традиционно соблюдая свое уважение к старшим, и под влиянием их начали посещать мечети", – отмечал уполномоченный Совет по делам религиозных культов по Пензенской области (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108). Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода "идеологическая база" – отдать долг Аллаху, который хранил и помогал верным последователям веры в лихую годину. Посещение демобилизованными мечетей значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченными на местах, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

В 1940-1950-х гг. мусульмане весьма активно подавали прошения об открытии мечетей в Среднем Поволжье, особенно в послевоенный период. Так, только в 1946 г. на имя уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачева поступили ходатайства об открытии мечетей из 17 татарских селений (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 111). Уполномоченный Совета при Совете Министров Татарской АССР Г. Сафин в 1957 г. получил 28 заявлений и встретился с 50 верующими по поводу открытия молитвенных помещений в 21 населенном пункте республики, в 1958 г. – 17 заявлений из 12 мест (НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 4. Л. 100-101). Инициаторами обращений в партийные и государственные организации с ходатайствами об открытии культовых зданий выступали, в первую очередь, люди пожилого возраста. Так, организаторами подачи заявления об открытии мечети в с. Алеево Неверкинского района Пензенской области являлись Я.И. Салихов, 66 лет, отец бывшего председателя колхоза; А.Б. Бексалиев, 65 лет, бывший мулла; Х.А. Рахматулин, 75 лет, отец председателя сельсовета (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 26). Причем, данные послания отличались особой эмоциональностью и многословием. В апреле 1956 г. на имя

председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина и первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева поступили заявления от "уполномоченного от коллектива верующих граждан" с. Средняя Елюзань Пензенской области И.А. Альбекова: "Мы, старики, ... решили обратиться к Вам, с убедительной просьбой дать соответствующее распоряжение, кому следует, на открытие в селе ... мечети № 1 прихода для совершения богослужб нам, труженикам сельского хозяйства, вкладывавшим свой труд десятками лет. Даем обязательство возместить все расходы, связанные с подачей телеграмм... Надеемся, что наша просьба тружеников полей не останется пустым гласом вопиющего в пустыне" (**ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 18. Л. 269-об**).

Порой верующие пытались в своих посланиях даже привести серьезную, с их точки зрения, аргументацию в пользу открытия культовых зданий. Например, мусульмане (418 чел.) с. Старое Зеленое Старо-Кулаткинского района Ульяновской области следующим образом пытались убедить "Комитет по религиозным культурам при Совете Министров РСФСР" в необходимости "оказать верующим гражданам мусульманской веры дать возможность в отправление религиозных обрядов": "Всем ясно, что всякая религия имеет свои глубокие корни в народе, что искоренение ее не проходит безболезненно. Наши молитвы не мешают работе, потому что первая часть утренний намаз – до начала работ, второй – в обеденный перерыв, а третий – вечером, т.е. после работы. Мы обращаемся к Вам разрешить в открытии мечети и прихода, будем молиться и просить всевышнего, чтобы царил мир во всем мире" (**ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 33. Л. 70-71**).

Наиболее распространенными религиозными обрядами у средневожских мусульман являлись отпевание (джаназа), религиозное бракосочетание (икях), наречение имени (исим), обрезание (сунет). Уполномоченный Совет по делам религии при Совете Министров Татарской АССР И.А. Михалев объективно сообщал в столицу в 1961 г., что "крещение детей, наречение имени новорожденным, обрезание, венчание, отпевание покойников, соблюдение постов и других религиозных обрядов среди значительной части населения остается массовым явлением" (**НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 7**). Аналогично складывалась ситуация во всех регионах Среднего Поволжья. Так, в 1960 г. из 977 похороненных татар на кладбище в г. Казани над 75% был совершен религиозный обряд (**НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 8**). В Куйбышевском регионе в 1964 г. совершался обряд наречения имени у 60% новорожденных, почти 100% похорон проходило по-мусульмански и т.д. (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 41. Л. 29**). В сельской местности уровень обрядовой религиозности был значительно выше, чем в городах. Например, если в г. Казани в 1963 г. обряд наречения имени был совершен только над 0,5% новорожденных, обряд венчания совершили 3% пар; в г. Чистополе Татарской АССР 7% родившихся младенцев прошли обряд наречения имени, 10% пар совершили обряд венчания, то в с. Курманаево Октябрьского района Татарской АССР над 59% родившихся детей был совершен обряд наречения имени, 93% зарегистрировавших брак совершили обряд венчания; в с. Степное Озеро 82% новорожденных прошли обряд наречения имени, 72% пар совершили обряд венчания (**НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 168**).

Религиозные браки и обряд наречения имени совершались гражданами татарского населения, в основном, в возрасте до 35 лет, занятыми общественно-полезным трудом, подавляющее большинство которых составляли колхозники и рабочие. Зачастую религиозные обряды совершались представителями интеллигенции, в том числе учителями школ, коммунистами и комсомольцами.

Практически среди всего татарского населения продолжал совершаться обряд обрезания мальчиков, который выполняли нелегальные резакы. Если в Казахстане, Средней Азии, по сообщениям представителей власти, данный ритуал тщательно скрывался, то, например, в Пензенской и Куйбышевской областях все проходило празднично, с привлечением обширной родни.

Начиная с 1950-х гг. в связи с изменением вектора государственно-религиозной политики уполномоченными Совета по делам религиозных культов и республиканскими и областными исполкомами председателям райисполкомов татарских сел направлялись закрытые письма, обязывавшие активизировать проведение практических культурно-просветительских мероприятий именно в дни мусульманских праздников, принимать активные меры по снижению религиозности населения, учитывать всех совершавших обряды и т.п. (НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 14. Л. 212-228; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 569-611; ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 15. Л. 27-36 и т.д.). Как следствие, начинает распространяться практика (особенно в Куйбышевской области) приглашения для совершения обрядов бракосочетания и наречения имени не мулл, а обычных верующих или стариков-бабаев с тем, чтобы это не стало достоянием гласности, те "действовали попеременно, с тем, чтобы избежать ответственности и налогового обложения" (ГАСО Ф. 4089. Оп. 1. Д. 11. Л. 89).

Тем не менее, на местах в конце 1950 – начале 1960-х гг. отмечалась тенденция более активного участия молодежи в праздничных молениях. В дни особо почитавшихся религиозных праздников в сельской местности Пензенской, Куйбышевской и Ульяновской областей наблюдалось посещение мечетей молодыми людьми в возрасте от 17 до 35 лет; среди молившихся молодежь составляла до 35% (ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 96. Л. 188; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 52, 108, 162; ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 5 Л. 30-35; Д. 30. Л. 165). Молодые люди, как беспартийные, так и комсомольцы, и коммунисты, под влиянием авторитета старших родственников и односельчан участвовали в молениях и старались исполнять установленные обряды. На встречах с уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачевым подростки с. Средняя Елюзань в 1950 г. заявляли, что "вступать в комсомол – большой грех" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 252). В 1966 г. в Казанской мечети на гаид-намазе среди верующих около 20% составляла молодежь, в Чистопольской мечети количество молодых людей среди молившихся доходило до 30% (НА РТ Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 212). Куйбышевский уполномоченный отмечал, что в дни мусульманских праздников учащиеся приходят в школу в приподнятом настроении, празднично одетыми, при этом он здраво замечал, что "большинство из них, несомненно, далеко стоят от веры, Корана не знают, но стремятся подражать старшим" (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 13. Л. 9).

Следует отметить, что с 1950-х гг. молодежь Среднего Поволжья начала проявлять интерес к религиозному образованию. Значительную работу в данном направлении проводили местные имамы, заблаговременно объявлявшие о приеме в медресе и готовившие к поступлению желавших учиться юношей. Кроме высоких духовных побуждений к поступлению в духовные учебные заведения молодых мужчин побуждали и вполне прагматичные расчеты. Так, служители культа в любом татарском селе в исследуемый и современный периоды представляли собой наиболее состоятельные и уважаемые круги. И село Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области, крупнейшее татарское село в Европе, фактически стало постоянным поставщиком служителей мусульманского культа в исследуемый период. За первую половину

1970-х гг. из этого села поступили учиться в духовное медресе в г. Бухару 5 выпускников местной средней школы; в 1975 г. заявил о своем желании сделать духовную карьеру член ВЛКСМ Р.М. Мальков, 1956 г.р., окончивший Средне-Елюзанскую среднюю школу (**ГАПО Ф. 148. Оп. 1. Д. 5235. Л. 66; Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 108**). В тех условиях это был просто вопиющий факт слабости всей атеистической работы: во всем СССР данное село было единственным по такому количеству молодежи, которая предпочла бы духовное образование светскому.

Мусульманские нормы, пускай даже в виде традиции и привычки, оказывали значительное влияние на поведение людей в повседневной жизни. Например, часто в дни религиозных празднований и по пятницам верующие не выходили на работу. Так, на "Курбан-байрам" в 1948 г. в селах Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань Городищенского района; Старый Карлыган, Суляевка Лопатинского района Пензенской области "прогуливали" не только рядовые колхозники, но и руководство, наряды не выдавались и т.д. В колхозе "Прогресс" того же сельсовета на третий день религиозного праздника колхозники собирались, но не работали, "ссылаясь на различные болезни", и в итоге на погрузку картофеля вышли только четыре женщины.

В 1949 г. празднование "Курбан-байрама" в Куйбышевской и Пензенской областях приняло столь широкий размах, что уполномоченные Совета забили тревогу. Да и было от чего волноваться. Когда уполномоченный Совета по Куйбышевской области "поинтересовался" у председателя Камышлинского райисполкома Фахретдинова о причинах таких "больших прогулов" и ответных действиях советских и партийных органов, последний ответил: "Праздновали неплохо, и мы им не мешали" (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 14**). В колхозах "Двадцать первая годовщина Октября" с. Исикеево Неверкинского района Пензенской области, им. В.И. Ленина с. Новое Ермаково, "Кзыл-Кряше" с. Старое Ермаково, "Дамир" Красноярского района Куйбышевской области и других населенных пунктах данных регионов в дни праздника "Курбан-байрам" на полевые работы не вышел ни один колхозник, в том числе и руководители (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 12. Л. 12-13; ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 570**). В 1955 г. заведующий клубом с. Благодаровка Челно-Вершинского района Куйбышевской области Я. Галлеев во время "Уразы-байрам" просто вывесил объявление на сеялке в поле: "На работу не выходите, у нас праздник "Ураза-байрам" (**ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 24. Л. 91-92**).

Со второй половины 1960-х гг. случаи уклонения населения от выхода на работу по религиозным мотивам, в том числе и в дни религиозных праздников, в Среднем Поволжье практически прекратились. Однако даже в середине 1970-х гг. в дни религиозного поста "Уразы" закрывались в некоторых селах под различными предлогами, например, ремонта, столовые, пищеблоки на полевых станах, не работали клубы и библиотеки. Во время поста сокращалось количество детских завтраков, которые заказывались в школах учениками, особенно в старших классах (**ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 253**).

Особой проблемой сельского татарского населения Среднего Поволжья, особенно женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабушку-повивалку. Еще хуже в средне-волжских татарских селах складывалась ситуация с большими туберкулезом. Основная их масса не лечилась, утверждая, что это

заболевание – "болезнь от бога". В связи с этим работники медицинских пунктов проводили особую разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями и т.д. (ГАУО Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 125. Л. 67).

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения кино, собраний, концертов и т.д. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области, "феодално-байские" обычаи в отношении женщин были очень сильны: "Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако, и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 412). Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Пензенского региона отмечались случаи, "когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а, следовательно, вопреки ее желанию" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 419). В Куйбышевской области, по замечанию уполномоченного Совета П.И. Алексина, женщина-татарка не имела права участвовать в похоронах своих близких, посещать мечеть могли только девушки до 14 лет или женщины старше 60; во многих населенных пунктах Шенталинского района сохранились еще и такие старые традиции, что при встречах мужчин с женщинами или девушками-татарками, в лучшем случае женщины отворачиваются, а в отдельных случаях женщины закрывают свое лицо"; во время урока ученицы вынуждены были стоять у доски вполборота к учителю, чтобы не показывать полностью своего лица, "женщины верующих татар ... ест оставшуюся пищу после мужчины" (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 26. Л. 24-25; Д. 30. Л. 166-167). Поскольку женщинам запрещалось посещение мечети, они собирались в частных домах моления осуществляли "четыре Корана", т.е. более грамотные женщины (это было распространено в Куйбышевской области) (ГАСО Ф. Р-4089. Оп. 1. Д. 37. Л. 65). Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Татарские семьи в сельской местности средне-волжского региона были многодетны. Тем не менее, уполномоченный Совета по делам религий по Пензенской области для себя объяснял это следующим образом: "Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 281). Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1970-1980-х гг. составляла 4-3,7 человека, "значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5, 7-6, 6 человека) и несколько превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3 – 3,3 человека)" [7, с. 288-321].

Мусульманские семьи были сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане в среднем в 1,5-2 раза ниже, чем в среднем в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. "В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь" [6, с. 339]. Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки, в общем, не были характерны для мусульман Средне-волжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных народов Поволжья [2, с. 37-38; 4, с. 122]. Тата-

ры Среднего Поволжья однозначно выступали за моногамный брак в соответствии с советским законодательством. Как следствие, татарское население в Среднем Поволжье в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских [6, с. 507].

Таким образом, в Среднем Поволжье, которое относится к регионам традиционного влияния ислама, уровень религиозности был заметно выше среднего в СССР.

Контингент мусульман Среднего Поволжья был представлен людьми всех возрастных групп, но, в основном, преклонных лет, проживавших в сельской местности, занятых в сельскохозяйственном производстве. Именно граждане-пенсионеры мужского пола выступали наиболее активными проводниками веры Аллаха в обществе. В сельской местности религиозность мусульман была выражена значительно сильнее по сравнению с городом. В послевоенный период наблюдался приток верующих за счет демобилизованных солдат. В 1960–1970-х гг. фиксируется повышение образовательного ценза и омоложение верующих мусульман, что соответствовало общему росту уровня образованности и общему омоложению населения СССР.

Женщины-татарки, по положениям Корана, принимали минимальное участие в общественной жизни своих населенных пунктов. По окончании школы девушки-татарки, как правило, прекращали свое членство в комсомольских организациях.

В силу религиозной ограниченности не все мусульманское население Среднего Поволжья пользовалось услугами здравоохранительных органов, что в первую очередь касалось мусульманок. Особенно плачевно складывалась ситуация с гинекологическими и легочными заболеваниями.

Количество верующих мусульман на протяжении исследуемого периода оставалось достаточно стабильным, что, по мнению уполномоченного Совета по делам религий по Пензенской области, свидетельствовало о том, "что убыль верующих, которая происходит в результате естественного движения населения, восполняется религиозниками за счет привлечения вновь к религии людей из более молодых возрастов" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 14, 51, 107).

Практически в полном составе, по собственной воле или под давлением ближайшего окружения, в том числе и комсомольцы, и коммунисты, верующие мусульмане-татары Среднего Поволжья соблюдали религиозные праздники и обряды. Высокий уровень соблюдения мусульманских обрядов доказывал стабильность ислама как формы общественного сознания, его способность адаптироваться к изменяющимся социальным и политическим условиям действительности. Однако не стоит преувеличивать "качество" или глубину религиозного чувства верующих. В результате государственно-партийной конфессиональной политики и идеологического прессинга, с одной стороны, объективного воздействия мирового процесса секуляризации, с другой стороны, религия в СССР была отеснена на окраину общественной жизни и общественного сознания, что, в свою очередь, определяло уменьшение количества верующих, причем, главным образом, в молодых, социально активных группах населения с достаточно высоким образованным цензом. Тем не менее, подраставшее татарское поколение активно вовлекалось в религиозную практику.

В исследуемый период особую социальную привлекательность, в том числе и материальную, приобрело духовное образование. Подача документов выпускниками сельских средних общеобразовательных школ

Среднего Поволжья в медресе стало почти нормой вопреки всем предпринятым профилактическим и, порою, репрессивным мерам.

Ислам является весьма объемной по директивности системой социального регулирования. Практически все сферы жизни мусульманина признаются религиозно важными. Исламская религия выполняла регулятивно-поведенческую функцию, что по-своему, примитивно понимало верующее население и выступало за активное приобщение к вере молодежи. Сами мусульмане-верующие говорили: "... Мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, приучает их к дисциплине и порядку. Вот ... начнется "рамазан", и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо?" (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 409). В семье с рождения исподволь или активно внедрялось в сознание молодежи, что исламская религия является носителем общечеловеческих норм нравственности, гуманизма, личной морали, и, напротив, отрицание Аллаха ведет к аморальному поведению и безнравственности. Юношам и девушкам внушалось, что прочным может быть только брак, основанный на принципах мусульманства. В контексте вопроса следует согласиться с Л.Р. Сюкияйненем, утверждавшим, что "одним из сильнейших факторов, негативно повлиявших на развитие мусульманской культуры в России, искажение и даже утрату многих ее элементов, была десятилетиями проводившаяся государственная политика агрессивного атеизма, последствием которой стали отсталость религиозных институтов и сравнительно низкий уровень знаний самих мусульман" [5, с. 54].

Применительно к Среднему Поволжью объективно подходит характеристика уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Попова: "... Религиозным движением охвачено более 50% всех мусульманских населенных пунктов. В отношении роста религиозного движения среди мусульман можно сказать, что он, видимо, еще будет..." (ГАПО Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 51). Ценности ислама отвечали обыденным запросам верующих, и, в принципе, способствовали укреплению семьи, ведению здорового образа жизни, формирования трудолюбия и т.д. Татарское население Среднего Поволжья стабильно возрастало, и, как следствие, не уменьшалось и количество мусульман-верующих.

Литература

1. Давлетшин Т.Д. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Казань: Иман, 2002. Ч. II. 224 с.
2. Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Казанский университет, 1981. 200 с.
3. Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Сборник статей / Научн. ред. Кимитака Мацузато. Саппоро; М.: РОССПЭН, 2007. 198 с.
4. Козлов В.И. Динамика численности населения. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969. 208 с.
5. Мусульмане изменяющейся России. М.: Институт Российской истории РАН, 2002. 336 с.
6. Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.
7. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984. 366 с.